

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматривается процесс становления научной организации сельского хозяйства в Самарской губернии в начале XX в. Выявлена история организации первых агрономических научных учреждений, которые изучали особенности ведения хозяйства в специфических условиях засушливого Поволжья. Изучены формы популяризации новых приемов хозяйствования, внедрения теоретических разработок в практику ведения крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: Самарская губерния, сельское хозяйство, крестьянство, аграрная наука.

Самарская губерния к началу XX в. стала важнейшим районом производства зерновых культур, валовой сбор которых постоянно рос в условиях повышения цен на товарное зерно. Однако для сельского хозяйства губернии были характерны экстенсивные формы развития. Сбор зерна увеличивался не за счет повышения урожайности, а за счет освоения новых, ранее неосвоенных территорий Самарской губернии. В 1860-е гг. площадь пашни составляла 2,2 млн га, уже в 1887 г. она расширилась до 7,3 млн га., а к 1917 г. общие размеры пашни составили 10,4 млн га. [1, с. 61]. Однако при увеличении площадей средняя урожайность практически не повышалась. Это объяснялось консервативностью крестьян, нежеланием отходить от устоявшейся системы ведения хозяйства, а также отсутствием необходимых знаний о современных севооборотах.

Одним из недостатков губернского сельского хозяйства было отсутствие многопольных севооборотов. В большинстве помещичьих и крестьянских хозяйств преобладало традиционное трехполье. В южных уездах применялась также система залежного земледелия, когда восстановление плодородия почвы осуществлялось путем оставления значительной доли пашни под залежью на длительный срок. Необходимость увеличения посевной площади привела к тому, что в начале XX в. типичная залежная система стала уступать место одно- и двухгодичным перелогам. Однако земля за это время не успевала восстановиться. Шла жесточайшая эксплуатация земельных ресурсов, что приводило к их истощению. «Отношение к земле было хищническое, жадное, предела аппетитам на землю кажется не наступает», — писал Новоузенский агроном Г.И. Колесников [1, с. 65]. Также в некоторых хозяйствах получили распространение бессистемные способы использования земель (пестрополье, неправильное трехполье). Переход к таким формам использования пашни вызывался

* © Сюков А.В., 2012

Сюков Антон Валерьевич (asyukov@yandex.ru), кафедра отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX в.)».

стремлением крестьян к расширению площади посева яровой пшеницы как наиболее ценной культуры. Многопольные же севообороты с многолетними циклами, разнообразием обрабатываемых культур практически не применялись [1, с. 62–65].

Возникновение внутреннего и внешнего рынка определило глубокие изменения в специализации земледелия. Крестьянские хозяйства начали возделывать те культуры, которые пользовались большим спросом на рынке. Высокие цены на яровую пшеницу приводили к ситуации, когда она стала занимать все больше и больше площадей в хозяйствах. Так, цена пшеницы была почти в 1,5 раза больше, чем цена ржи. С 1881 по 1910 г. площадь под пшеницей выросла на 161 % [2, с. 15]. По сравнению с другими культурами, прежде всего озимой рожью, пшеница давала более низкий урожай, который к тому же был крайне неустойчивым по годам. Однако более высокие цены на пшеницу заставляли крестьян вести крайне рискованный тип хозяйства.

Ситуация в регионе усугублялась сложными климатическими условиями. Нахождение губернии в зоне рискованного земледелия приводило к резким скачкам урожайности по годам, когда хороший урожай мог смениться жесточайшим недородом. За период с 1873 по 1914 г. население Самарской губернии 8 раз переживало засушливые годы, сопровождавшиеся полным неурожаем хлебов [1, с. 95]. Устаревшие агротехнические приемы приводили к тому, что в условиях засушливого климата крестьяне были полностью во власти внешних природных сил. Определенные трудности были связаны с тем, что в регионе было довольно много переселенцев из других регионов. Оказавшись в условиях совершенно другого климата, они оказались неприспособленными к новым условиям, продолжали использовать старый опыт ведения хозяйства.

Попытки совершенствования системы ведения сельского хозяйства, перехода на интенсивный путь развития предпринимались на протяжении всего XIX в. Однако они не носили системного характера, представляя собой единичные случаи внедрения определенных агротехнических приемов по инициативе снизу без должной поддержки государства. В отдельных помещичьих имениях могли применяться новые сельскохозяйственные орудия, удобрения, более совершенные агротехнические приемы, качественные семена. Однако количество таких хозяйств было крайне мало. Большинство крестьянских и помещичьих хозяйств продолжало вести традиционное земледелие.

Во второй половине XIX в. проблемы реформирования способов ведения сельского хозяйства активно поднимались общественностью. О проблемах российского хозяйства говорили видные ученые: В.В. Докучаев, П.А. Костычев, И.А. Стебут, К.А. Тимирязев. Они предлагали различные меры борьбы с засухой. Была активна эта работа и на местах. В различных губерниях создавались сельскохозяйственные общества. Катализатором этих процессов стала засуха 1891 г., которая особенно сильно поразила Самарскую губернию. Неурожай был следствием не только сложных погодных условий, но и низкого уровня агротехники. Он отчетливо показал неэффективность сельского хозяйства, его неприспособленность к засушливому климату Юго-Востока. В этих условиях в конце XIX в. общественность и ответственные государственные ведомства четко осознали, что совершенствование системы сельского хозяйства возможно лишь при условии организации научных агрономических учреждений. Как земство, так и наиболее активные общественники на землях своих имений стали создавать единичные опытные поля.

Однако централизованной государственной политики в этой сфере еще не было сформировано. Деятельность высших государственных органов по сельскохозяйственному опытному делу началась лишь с преобразованием Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия, т. е. с 1894 г. В течение первого же года

после преобразования министерства был выработан общий план деятельности ведомства по сельскохозяйственному опытному делу. Важнейшую роль в этой работе сыграл профессор П.А. Костычев, который занимал пост директора Департамента земледелия. Согласно плану Министерство земледелия признало наиболее целесообразным устройство опытных станций. По сравнению с опытными полями эти учреждения должны были разрабатывать более широкие и разносторонние задачи с привлечением большого количества высококвалифицированных научных кадров. На первое время было предложено учредить казенные опытные станции в 8 пунктах европейской части России. Эти станции были организованы в 1894–1901 гг. Они должны были определить основы рационального хозяйства для различных физико-географических районов [3. Ф. 832. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 об.].

Для разработки вопросов развития сельского хозяйства засушливого Юго-Востока была основана опытная станция в Самарской губернии. Это была Костычевская опытная станция, созданная в 1894 г. на казенном Валуйском орошаемом участке Новоузенского уезда [3. Ф. 832. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 об.]. Однако она не стала ведущим научным центром в области агрономии Поволжья. «От Костычевской опытной станции почти ничего не осталось. Ничтожное количество средств на ее содержание и отдаленность от умственных центров скоро очень сильно сжали деятельность станции, из этого состояния она не выбралась до сих пор», — отмечал Н.М. Тулайков в 1925 г. [4, с. 5]. Сказалась и особенность местонахождения станции. По характеру почвы и рельефа она находилась в условиях, не типичных для окружающего ее района. Вследствие этого Новоузенское земство в 1908 г. учредило близ Красного Кута опытное поле, которое затем было преобразовано в опытную станцию. Организатором и первым заведующим этой станции был В.С. Богдан. Станция изучала особенности ведения хозяйства в южных уездах Самарской губернии. Однако Саратовское совещание признало необходимым сохранить и Костычевскую опытную станцию ввиду ее самостоятельного значения в деле изучения вопросов орошения и борьбы с засолением полей [3. Ф. 832. Оп. 1. Д. 32. Л. 15].

Куда значительнее была роль Безенчукской опытной станции, основанной в 1903 г. на землях и на средства Удельного ведомства. В конце XIX в. Уделы являлись крупным земельным собственником, владея в Самарской губернии 500 тыс. десятин. Эксплуатируя земли исключительно сдачей их в аренду крестьянам, Удельное ведомство в конце XIX в. столкнулось с фактом колоссальной задолженности своих арендаторов и упадком их хозяйств. Подробное исследование хозяйственно-экономического положения удельных арендаторов, произведенное старшим агрономом Уделов И.Н. Клингеном в 1891–1900 гг., показало, что хозяйства арендаторов-крестьян находятся в чрезвычайно тяжелом положении, внешними же следствиями этого упадка и являются миллионные недоимки, накопившиеся за этот период [3. Ф. Р–4535. Оп. 1. Д. 68. Л. 2]. В ходе изучения причин бедственного положения арендаторов И.Н. Клинген отметил, что «беда происходила, главным образом, не от малоземелья, а от неправильной организации хозяйства и от неумения перейти к более разумной и выгодной системе» [5, с. 3]. Ему было ясно, что планомерная агрономическая помощь арендаторам должна быть основана на знаниях и понимании местных естественно-исторических условий, на добытом в местных условиях опытном материале. Такого материала в Самарской губернии на тот момент не было. Именно поэтому была организована Безенчукская опытная станция для изучения климата, почвы и техники хозяйства засушливой полосы Поволжья [6, с. 3]. Будущий директор станции Н.М. Тулайков отмечал особую заслугу в этом процессе И.Н. Клингена: «Мы не знаем, что стоило ему провести эту мысль в надлежащих учреждениях, но нельзя не отметить силу убежденности инициатора этого дела и руководителей Главного управ-

ления уделов, если в чуждом до тех пор этой работе ведомстве открывается опытная станция, богато для того времени обставленная, с исключительно большим по тому времени бюджетом. И это особенно было удивительно, когда сравнивали между собой Удельную областную станцию и заброшенные в глухие углы с ничтожными бюджетами станции Министерства земледелия» [6, с. 3–4].

Важнейшим вопросом в деятельности станции был «вопрос о накоплении, сбережении влаги и разумном и экономическом ее использовании» [5, с. 8]. Программа станции была ориентирована на повышение приспособленности хозяйств к засухе. Развернулись работы по определению наиболее благоприятного времени и приемов вспашки земли, ее дальнейшей обработки для сохранения влаги. Исследовались время и способы посева семян, в особенности роль широкорядных посевов, изучались новые скороспелые сорта различных культур, роль удобрений в повышении урожайности [5, с. 8–15].

В 1908 г. станция перешла в ведение Департамента земледелия, которому все постройки и оборудование были подарены, а земля обменена [6, с. 5]. С 1910 г. станция была преобразована в областную для Самарской, Симбирской и Уфимской губерний. Она должна была объединять деятельность всех опытных учреждений на этой огромной территории [3. Ф. Р–4535. Оп. 1. Д. 68. Л. 9]. Под ее руководством вели свою работу Бузулукское, Бугурусланское, Бугульминское опытные поля. На тот момент станция вышла на ведущие позиции. «Безенчукская станция по своему оборудованию самое крупное учреждение в России. Она богато обставлена и научным персоналом и научно-техническими средствами», — писал ведущий российский специалист области агрономии А.И. Стебут, посетивший станцию в 1910 г. [1, с. 106].

В 1911 г. под флагом изучения машин и орудий «сухого земледелия» положено начало машиноиспытательному отделу [6, с. 6]. В 1912 году был организован селекционный отдел, который начал работу над выведением новых сортов сельскохозяйственных культур, приспособленных к засушливому климату Поволжья [6, с. 8]. Предлагалось разнообразить хозяйство крестьян, чтобы они не зависели от урожая одной-двух культур, а выращивали несколько культур с разными сроками созревания. Опытная станция разрабатывала вопросы внедрения пропашных культур: кукурузы, подсолнечника и т. д. Положительные стороны этих культур заключались в способности использовать осадки второй половины вегетационного периода, меньшей зависимости от недостатка влаги в начале лета и возможности противостоять продолжительной засухе. Особенно отчетливо достоинства этих культур проявились в крайне неурожайный 1911 г. На фоне общей гибели зерновых хлебов на соседних полях крестьян кукуруза на полях станции дала хороший урожай — «в среднем около 100 пудов с десятины» [3. Ф. Р–4535. Оп. 1. Д. 68. Л. 9].

Знания, полученные в агрономических учреждениях, должны были находить применение на практике в крестьянских хозяйствах. Эту работу на себя взяли агрономы. В конце XIX в. в губернии была введена должность губернского агронома, а в каждом уезде назначался один уездный агрономом. Однако они не смогли в полной мере наладить работу с крестьянами по внедрению новых приемов ведения сельского хозяйства. Один агроном не мог охватить в своей работе весь уезд. В ведении уездного агронома находилось «до 600 селений на протяжении 150 верст» [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 106. Л. 25]. В таких условиях большинство крестьян вообще не знали о его существовании. Губернский агроном А.В. Тейтель отмечал: «При таком положении все, что смогли сделать агрономы — это содействовать открытию при земских управах сельскохозяйственных складов, на которых хозяева могли бы покупать дешево и в рассрочку нужные им сельскохозяйственные орудия и машины, и давать разные советы тем хозяевам, которые случайно про них прослышали и обращались к ним» [7, с. 4–5].

Однако крестьяне воспринимали лишь то, от чего видели пользу в своих хозяйствах. Поэтому уездный агроном должен был лично увидеть его хозяйство, конкретно продемонстрировать на крестьянском поле определенные агрономические приемы. Для этого необходимо было, чтобы агрономы были ближе к крестьянам, жили рядом с ними. В виду этого земство решило разделить губернию на участки по несколько волостей и в каждый такой участок назначить участкового агронома. Каждый участковый агроном для своей деятельности был снабжен необходимыми земледельческими орудиями и машинами, семенами, удобрениями и пр. [7, с. 5]. Первые участковые агрономы появились в Новоузенском уезде в 1906 г. В 1908 г. они были созданы во всех уездах губернии. С каждым годом число участковых агрономов увеличивалось. В 1910 г. их в губернии насчитывалось 39, в 1911 г. — 69. Наиболее широко сеть представлена была в Новоузенском уезде, где в 1911 г. работало 18 участковых агрономов [З. Ф. 5. Оп. 11. Д. 129. Л. 11].

Ближайшей задачей участковых агрономов было ознакомление крестьян с улучшенными приемами посева путем отдачи напрокат рядовых сеялок и орудий предпосевной обработки и для ухода за растениями, затем сортирование посевного материала и проведение в крестьянском хозяйстве улучшенных приемов обработки почвы [З. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 18]. Эти мероприятия должны были сделать хозяйства более приспособленными к засухе. Поставленные задачи агрономы должны были решать при помощи наглядного примера в самом крестьянском хозяйстве.

Из этих приемов непосредственному распространению в первую очередь подлежали рядовой посев и очистка семян. Каждому агроному давалось в распоряжение 5 сеялок, с помощью которых они доказывали крестьянам преимущества широкорядного посева. Надо заметить, что машины отдавались напрокат не бесплатно. На одном из заседаний Агрономической комиссии было установлено, что «всякой бесплатной раздачей следует избегать и допустить ее только в тех случаях, когда вводимое мероприятие мало известно крестьянам и вызывает большое недоверие с их стороны» [З. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 19]. За прокат рядовой сеялки взималось по 1 рублю за рабочий день или 40–50 копеек за десятину. Если машина отдавалась на весь посев, то взималось 10 рублей [З. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.]. Сеялки в большинстве случаев зарекомендовали себя с хорошей стороны. Рядовой посев давал в некоторых случаях повышение урожая до 40 пудов на десятину. Он также позволял экономить на семенах. Больше доверия рядовой посев вызывал в южных районах. Там засуха сильнее сказывалась на хозяйстве и преимущества рядового посева были очевиднее [З. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 22].

Для распространения новых орудий и машин земства открывали сельскохозяйственные склады. Губернский агроном А.В. Тейтель отмечал, что «до земских складов все это продавалось только в частных складах, которые преследовали свою наживу, мало знали местное хозяйство и часто продавали хозяевам неподходящие орудия и машины, да притом так дорого, что не всякий мог их купить» [7, с. 6]. Земские склады, которыми заведовали агрономы, продавали в кредит по более низким ценам приспособленные к местным условиям орудия и машины, что делало их более доступными для крестьян. Особой популярностью пользовались современные плуги, сеялки, веялки, молотилки, косилки [7, с. 6–7]. Для очистки семян в ведении агрономов были специальные сортировки.

Важной частью работы агрономов были индивидуальные и коллективные беседы с крестьянами. На этих беседах выяснялись недостатки существующей обработки почвы, давались рекомендации по севооборотам, внесению удобрений и т. д. Но не все новшества крестьяне одинаково воспринимали. Агрономам было довольно тяжело убедить крестьян производить раннюю вспашку паров. Подобный прием позволял

сохранить значительно больше влаги в земле. Однако крестьяне этому сопротивлялись, т. к. при существующей системе трехполья пары всю весну и часть лета использовались в качестве выгула для скота. В своей деятельности агрономы пользовались данными Безенчукской опытной станции, которую они имели возможность посещать по несколько раз в год [3. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 20].

С каждым годом деятельность участковых агрономов становилась активнее. Они лучше узнавали свои участки, лично знакомились с наиболее активными крестьянами, склонными к нововведениям. В таких условиях они, зная особенности каждого хозяйства, могли давать уже более конкретные советы. Доверие со стороны крестьян по отношению к участковым агрономам росло. Журнал «Самарский земледелец» отмечал, что «подобно тому, как врач и народный учитель сделались необходимыми членами деревенской семьи, так и в агрономе начинают видеть друга сельского хозяина» [8].

В условиях увеличения численности агрономического персонала было открыто Алексеевское среднее сельскохозяйственное училище. Его выпускники составили основу участковых агрономов. Также были открыты Краснопоселенская и Погроминская низшие сельскохозяйственные школы. Они готовили помощников участковых агрономов. Были предложения об организации высшего агрономического учебного заведения, но оно так и не было создано [7, с. 4].

Оказывало помощь крестьянам и созданное в 1907 г. Самарское общество улучшения крестьянских хозяйств, в состав которого вошли наиболее видные знатоки сельского хозяйства губернии: Н.А. Шишков, А.В. Тейтель, Я.М. Жуков, В.В. Тейс, В.С. Богдан, Ф.А. Сев и другие [9, с. 3–4]. Общество, поставив своей задачей содействовать реорганизации местного крестьянского хозяйства в сторону большей продуктивности, старалось в своей работе применять наглядно-доказательный метод. Это объяснялось особенностями психологии крестьян, которые воспринимали агрокультурные мероприятия лишь тогда, когда лично убеждались, что те или иные улучшенные приемы хозяйствования оказывались эффективными не в чуждой им обстановке, а внутри их же собственного хозяйства или в близких ему условиях. Общество старалось помогать крестьянам проводить какие-либо мероприятия не на показательных полях, а непосредственно внутри крестьянского хозяйства [9, с. 9].

Самарское общество улучшения крестьянских хозяйств вело активную издательскую деятельность. Печатались труды по злободневным проблемам сельского хозяйства губернии, а с 1910 г. начал выпускаться двухнедельный журнал «Самарский земледелец» [9, с. 11–12]. Он должен был популяризировать достижения аграрной науки, сделать их доступными для широких слоев населения.

Однако агрономические мероприятия, проводимые земскими органами, общественностью, относительно медленно внедрялись в крестьянские хозяйства. Наблюдалась неоднородность крестьян, разное отношение к новым приемам ведения хозяйства. Наиболее восприимчивы к новшествам были единоличные крестьяне. Общинники оказывались более консервативными. Краснокутский районный агроном отмечал: «Если община не так давно была оплотом государственных интересов, то в настоящее время она является антагонистом. Общинник не представляет из себя независимого хозяина, не может устраивать в своем хозяйстве так, как бы он считал нужным. Он связан общинным землепользованием с принудительным севооборотом. Хуторское хозяйство свободно от этих стеснений — оно должно вестись на более рациональных началах» [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 102. Л. 83].

В материалах обследования подворных и хуторских хозяйств единоличного владения, проведенного в 1909 году, было видно, что «крестьянская сельскохозяйственная мысль проснулась», были отмечены «робкие в начале шаги некоторых владельцев

улучшить положение своих хозяйств и даже более – смелые их упования на то, что бы ими могло быть сделано при наличности материальных средств» [10, с. 217]. Обследование выявило хозяйства, в которых начали внедряться современные приемы ведения земледелия: рядовой посев, более глубокая вспашка почвы, ранняя обработка пара, многопольные севообороты с травами. В некоторых хуторских хозяйствах стали возделывать пропашные культуры – кукурузу и подсолнечник [10, с. 218].

Однако обследование выявило даже среди хуторян довольно серьезный процент инертных собственников, стремящихся отстоять традиционный тип хозяйства, не готовых к серьезным новшествам. Краснокутский районный агроном отмечал, что «при обследовании встречались культурные и некультурные хуторские хозяйства. В культурных хозяйствах широко применялись машины, рациональные способы посева, обработки почвы и т. д. Хозяйство некультурное ведется по шаблону отцов. Здесь не только не улучшалось хозяйство, но разрушается то, что было создано» [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 102. Л. 83]. Еще более жесткие оценки давал Покровский районный агроном Новоузенского уезда: «И крупные, и хуторские хозяйства не представляют собой что-нибудь отрадное. То же что и в общине хищничество, то же желание взять из земли все, ничего не давая ей, та же нерасчетливость хозяев и все тот же риск хозяйствования. Хуторские хозяйства только тем и отличались, что хозяева посильнее, позажиточнее, вследствие чего и могут своевременно и глубоко вспахать землю под главный хлеб – пшеницу. Ни какой-либо системы, ни севооборота, ни улучшенных приемов я не встречал... И здесь та же тьма и нежелание отрешиться от дедовских приемов, то же упорство, которое наблюдаю среди общинников, благодаря которым так тяжело работать агроному» [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 102. Л. 55].

Эти факты подтверждали, что многие хуторяне самостоятельно, без должной поддержки со стороны государства, были не готовы к радикальному преобразованию своего хозяйства. И именно на хуторские хозяйства было обращено основное внимание со стороны аграрных учреждений. В 1909 году в адрес Самарской губернской земской управы пришла телеграмма министра внутренних дел П.А. Столыпина, в которой он призывал, «имея в виду государственную важность скорейшего насаждения на образованных хуторских хозяйствах и отрубях улучшенных приемов сельского хозяйства», рассмотреть вопрос «о той форме, в которой сверху уже принятых мер могло бы проявить в сем деле земство» [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 106. Л. 22]. Со своей стороны им были предложены такие меры, «как организация показательных полей на обследованных хуторских и окружных хозяйствах, приглашение агрономов, представление улучшенных семян хуторянам, установление премий образцовым хозяйствам» [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 106. Л. 22]. «Понимая, что этим перечислением не исчерпываются меры, которые могли бы быть приняты земствами в целях подъема хозяйств новых собственников, и выражая уверенность, что знание местных условий и нужд населения подскажет земству наилучший в сем деле путь, я обращаю внимание ваше, что от незамедлительного осуществления мер зависит успех и будущее крестьянского землеустройства, ибо без интенсивного хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности немыслима», – подвел итог П.А. Столыпин [3. Ф. 5. Оп. 11. Д. 106. Л. 22].

Губернские и уездные земства активно обсудили это послание, предложив ряд мер по поддержке хозяйств нового типа и внедрению в них новых агрономических приемов. В целях дальнейшего развития агрономической помощи было предложено организовать новые опытные хозяйства и опытные поля. Началась работа по выработке идеальных типов образцовых хуторских хозяйств применительно к различным местностям Самарской губернии. Эти образцовые хозяйства должны были получить под-

держку путем выдачи предметных ссуд. Предполагалось и приглашение особого агронома по отрубным и хуторским хозяйствам [З. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 11].

Наблюдалось разное отношение к агрономической помощи в территориальном разрезе. Наиболее положительно к деятельности участковых агрономов относились в южных уездах. Это были более засушливые территории, которые сильнее зависели от климатических условий. Новые приемы ведения хозяйства здесь наиболее отчетливо демонстрировали свои преимущества в самые засушливые годы [З. Ф. 832. Оп. 1. Д. 26. Л. 22]. Особенностью южных уездов Самарской губернии было и относительное многоземелье значительной части крестьян. В таких условиях крестьяне старались воспринимать те приемы, которые позволяли быстрее обработать почву, посеять и убрать урожай. Вопрос урожайности рассматривался лишь во вторую очередь. Агрономы объясняли это тем, что «по причине относительного многоземелья технический прогресс в нашем хозяйстве совершается не вследствие экономической необходимости добывать больше продуктов с прежней площади, не вследствие интенсификации хозяйства, а вследствие желания развернуть посевы на широкой площади. Поэтому техника полевого хозяйства особенно далеко ушла у зажиточных крестьян, сеющих по многу» [З. Ф. 5. Оп. 11. Д. 102. Л. 101 об.].

Агрономы отмечали и различное отношение к их деятельности в зависимости от этнической принадлежности селения. Большинство жителей русских поселений было настроено консервативно. Более готовыми были к нововведениям оказались колонисты, приехавшие из более развитых регионов и стран. Самый высокий уровень устройства хозяйства был у немцев-колонистов, особенно у немцев-меннонитов в Новоузенском уезде, которые переселились в губернию во второй половине XIX в. Они вывезли из Германии некоторые знания культурного ведения хозяйства, любовь к культуре вообще, что позволило им приспособиться к новым условиям. Более высокий уровень образования позволял им быстрее воспринимать новые агротехнические приемы. Отмечалось, что у меннонитов система полеводства по интенсивности и стройности отличалась как от окружающих крестьянских хозяйств русских деревень, так и от частновладельческих хозяйств. В хозяйствах применялся пятипольный севооборот со строгой последовательностью культур и качественной обработкой почвы. Здесь полностью отказались от ручного посева, применялись более качественные семена, начали активно использоваться механические машины для уборки [11, с. 33–42].

Таким образом, важность изучаемого этапа заключалась в том, что был подготовлен необходимый фундамент для дальнейшего развития научной организации сельского хозяйства в регионе. Была сформирована сеть научных агрономических учреждений, которые изучали особенности ведения хозяйства в специфических условиях засушливого Поволжья. Началась теоретическая разработка новых агрономических приемов, сделаны первые шаги по выведению новых сортов, внедрению новых сельскохозяйственных культур. Появились иные формы взаимодействия с крестьянами посредством губернских, уездных и участковых агрономов, осуществлявших популяризацию новых приемов хозяйствования. Однако внедрение этих разработок в практическую жизнь крестьян шло относительно медленно, что объяснялось довольно низким образовательным уровнем большей части крестьян, недостатком средств для закупки новых орудий, семян, удобрений. В таких условиях невозможно было совершить мгновенное массовое внедрение новых знаний и агротехнических приемов, полученных в опытных учреждениях, в конкретные крестьянские хозяйства. Был задан необходимый вектор развития, но хозяйства были лишь в начале пути перехода к интенсивным формам ведения земледелия.

Библиографический список:

1. Из истории земледелия Самарского Заволжья. Безенчук, 1995.
2. Труды IV Самарского губернского агрономического совещания. Самара, 1914.
3. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 832. Ф. Р-4535. Ф. 5.
4. Тулайков Н.М. Опытные учреждения засушливого Поволжья и их достижения в полеводстве. М., 1925.
5. Клинген И., Жуков Я. Краткое описание Удельной областной сельскохозяйственной станции. СПб., 1907.
6. Тулайков Н. Эволюция одного опытного учреждения. СПб., 1914.
7. Тейтель А.В. Что такое агрономическая помощь и как она у нас организована. Самара, 1910.
8. Самарский земледелец. 1914. № 1.
9. Отчет о деятельности и состоянии средств Самарского общества улучшения крестьянского хозяйства. Самара, 1911.
10. Подворовое и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Опыты агрономического исследования. Самара, 1909. Т. 1.
11. Колесников Г.И. Культурное хозяйство в некультурном крае. Саратов, 1908.

*A.V. Syukov**

**THE FORMATION OF SCIENTIFIC ORGANIZATION OF AGRICULTURE
IN THE SAMARA REGION IN THE EARLY XX CENTURY**

The article deals with the process of formation of scientific organization of agriculture in the Samara Region in the early XX century. The history of organization of first agronomic research institutions that studied the characteristics of farming in specific conditions of arid Volga River basin is revealed. Forms of popularization of new methods of management, introduction of theoretical developments in practice of farming are studied.

Key words: Samara Region, agriculture, peasants, agricultural science.

* *Syukov Anton Valerievich* (asyukov@yandex.ru), the Dept. of National History and Historiography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.